

Костромской протопопъ Данииль.

Очеркъ изъ исторіи раскола въ первое время его существованія.

(Рефератъ, прочитан. на IV Областномъ археологич. съѣздѣ въ Костромѣ).

12962

Въ послѣдніе годы патриаршества Іосифа (1642—1652 г.г.), подъ руководствомъ царскаго духовника Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, въ Москвѣ образовался кружокъ ревнителей благочестія¹⁾. Пользуясь своимъ личнымъ вліяніемъ на царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевъ внушилъ правительству мысль принять рядъ мѣръ къ упорядоченію богослуженія, къ сокращенію пьянства, уличныхъ игрищъ со скоморохами, пѣснями и т. п. Духовнымъ и свѣтскимъ властямъ различныхъ городовъ былъ данъ изъ Москвы относительно этого рядъ грамотъ со строгимъ наказомъ и съ разрѣшеніемъ употреблять противъ ослушниковъ суровыя мѣры²⁾. Разумѣется, во многихъ мѣстахъ эти предписанія никакого дѣйствія на жизнь не оказали. Но кое-гдѣ, всетаки, они нашли себѣ отголосокъ среди тѣхъ представителей духовенства, которые и сами „стояли за благочестіе“, т. е. старались бороться съ нестроениями

¹⁾ О составѣ и стремленіяхъ этого кружка см. подробн. въ трудахъ проф. *Н. Θ. Каптерева*: Патриархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I. Сергіевъ Посадъ. 1909. Гл. I (Церковно-реформаціонное движеніе во время патриаршества Іосифа и его представители).—Патриархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Изд. 2. Сергіевъ Посадъ. 1913 г. Гл. V (Кружокъ ревнителей благочестія, образовавшійся въ Москвѣ во 2-ю половину патриаршества Іосифа).

²⁾ *Н. Харузинъ*. Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в. (Этнографич. Обзоръ, 1897 г., № 1, стр. 143—151). *Н. В. Рождественскій*. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. Москва, 1902. Стр. 5 и слѣд.—*Н. Каптеревъ*, цитов. сочин.

религіозно-нравственной жизни своей паствы. Такъ было, между прочимъ, и въ Костромѣ ¹⁾, гдѣ надзоръ за церковной жизнью былъ порученъ игумену Богоявленскаго монастыря Герасиму и соборному протопопу Даниилу. Относительно перваго изъ этихъ лицъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, которыя характеризовали бы его со стороны правоисправительныхъ стремленій. По документамъ видно только, что игумень Герасимъ былъ человѣкъ довольно книжный и заботившійся объ устроеніи своего монастыря ²⁾. Но соборный протопопъ Даниилъ заявилъ о себѣ болѣе опредѣленно, а въ послѣдующее время получилъ довольно широкую извѣстность и за предѣлами Костромскаго края.

Въ полдень 28 мая 1652 г. на улицахъ Костромы появилась толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ с. Селищъ, Минскаго и окрестныхъ деревень, которыя въ то время принадлежали боярину Глѣбу Ивановичу Морозову. Крестьяне шли съ пѣснями, съ шумомъ, но они двигались не безцѣльно. Во главѣ ихъ былъ попъ села Селищъ Иванъ и велъ всѣхъ за собою освобождать тѣхъ узниковъ, которые были посажены за разныя безчинства въ палату подъ соборною церковью. Расходившіеся буйны сбили замокъ и выпустили изъ заключенія троихъ изъ своихъ собратій. Страсти разыгрались далѣе. Послышались угрозы по адресу игумена Герасима и соборнаго протопопа Даниила. Послѣдній, опасаясь за свою жизнь, сперва ушелъ въ соборъ, оттуда, послѣ заутрени скрылся на двое сутокъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Толпа искала его

1) Грамота Костромскому воеводѣ была послана въ 1649 году, причѣмъ приказано было отписать, что скажутъ, по выслушаніи ея, разныхъ чиновъ люди. 20 апрѣля воевода отвѣчалъ, что «игумены и попы черные и мірскіе всякихъ чиновъ люди» сказали, что они «по правилу святыхъ отецъ и государеву указу творить, и какъ въ... указѣ написано учнутъ, и за такими богомерзкими дьявольскими всякими дѣйствы ходить не учнутъ, а учнутъ творить противъ правила святыхъ отецъ и государева указу». *Н. Харузинъ*, цитов. стат., стр. 149—150).

2) *И. Баженовъ*. Костромскій Богоявленско-Анастасіинскій монастырь. Кострома. 1895. Стр. 18—19, 42, и прилож. стр. VII—XI, XVII и друг.—*Его-же*. Описаніе старинныхъ сборниковъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря. Костромская Старина. Вып. IV. 1897. Приложенія, стр. 71, 91.

въ городѣ и около собора, при чемъ пришлось пострадать нѣсколько тѣмъ лицамъ, которыя часто показывались вмѣстѣ съ протопопомъ и раздѣляли его строгіе взгляды на пьянство, игры и пѣсни. Достигнувъ своей цѣли, крестьяне еще нѣкоторое время оставались около церкви и вели себя столь же несдержанно.

Когда все успокоилось, протопопъ Даніилъ написалъ въ Москву жалобу, гдѣ подробно передалъ о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ и нарисовалъ очень мрачную картину тогдашней религіозной жизни въ Костромѣ. „Духовные отцы извѣщали намъ,—говоритъ Даніилъ,— что дѣти ихъ духовные къ церквамъ въ пѣніе (въ службу) съ ножами приходятъ и у церковныхъ дверей стоятъ и стоя на церковныхъ порогахъ кричатъ въ церковь отцамъ духовнымъ и хотятъ отцовъ своихъ духовныхъ ножами рѣзать, а иные, увидя меня, протопопа, и иныхъ добрыхъ людей, поднимаютъ ихъ на задоръ и всякое скаредное дѣло въ городѣ и въ уѣздахъ дѣлаютъ, заводятъ мятежь и безчинство. И въ тотъ мятежь,—разумѣется происшествіе 28 мая,—нѣкоторые люди побиты до смерти, а которые биты на смерть; *у соборной церкви скопорохи пѣсни пѣли...* Костромской воевода Юрій Оксаковъ и приказные люди мятежниковъ не унимали и сами всякое безчинство дѣлали, а намъ, игумену Герасиму и протопопу, всякому добру не помогали и по государевымъ указнымъ грамотамъ на безчинниковъ и ослушниковъ людей не давали, а кого мы въ безчинствѣ своею мочью возьмемъ къ воеводѣ, приказные тѣхъ людей у насъ въ смиренье не принимали и съ тѣхъ людей посулы брали и ихъ отпускали“... Чтобы усилить вину своихъ обидчиковъ, Даніилъ заодно передаетъ еще случай расправы съ нимъ одного крестьянина, изъ вотчины Бориса Иванова Морозова. „25 мая крестьянинъ Лысковецъ Куземка Васильевъ съ товарищами ночью стали пѣсни пѣть на берегу Волги. И я вышелъ ихъ унимать, а они меня на смерть били и скуфью сбили, и отъ этого удара я упалъ безъ вѣдома (безъ чувствъ). Потомъ съ тѣми же людьми Васильевъ прошелъ къ соборной церкви, и у воеводскаго двора били меня ослопомъ. И я въ полчаса ночи велѣлъ сторожу ударить въ колоколъ. Воевода вышелъ, но обороны мнѣ не учинилъ, а крестьяне затѣмъ разбѣжались“.

Когда была получена въ Москвѣ эта жалоба, стольнику Еропкину поручили произвести подробный сыскъ въ Костромѣ и въ уѣздѣ о всѣхъ описанныхъ Данииломъ безчинствахъ. Допрошена была масса лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и ихъ показанія составили обширное дѣло въ 270 листовъ, хранящееся теперь среди документовъ Московскаго архива Минист. Юстиціи, только, къ сожалѣнію, съ утраченными листами въ началѣ и въ концѣ. Болѣе важные свидѣтели допрашивались отдѣльно, а посадскіе люди давали показанія цѣлыми группами, сотнями или улицами. Какъ и слѣдовало ожидать, все низшее населеніе—горожане, посадскіе жители и крестьяне безраздѣльно стали на защиту своихъ собратій, страдавшихъ отъ строгости протопопа и игумена и отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о происшедшихъ безчинствахъ: *ничего не видѣли и не слышали* ¹⁾... Нѣкоторые изъ крестьянъ только добавили, что у протопопа съ крестьяниномъ Васильевымъ была ссора, при чемъ послѣдній подалъ объ этомъ явку, а въ чемъ именно дѣло,—имъ не вѣдомо. „На Костромѣ скомороховъ нѣтъ, а которые напередъ сего были, и нынѣ они на Костромѣ жъ кормятся Христовымъ именемъ...“

Болѣе содержательны показанія духовныхъ лицъ. Они интересны именно не столько для выясненія всѣхъ подробностей событія, сколько для характеристики отношеній остального духовенства къ протопопу Даниилу и его нраво-исправительнымъ стремленіямъ. Съ этой стороны любопытно ознакомиться съ нѣкоторыми показаніями подробнѣе.

Настоятели Костромскихъ монастырей: Запрудскаго, Подвязнаго, Воздвиженскаго и Ипатьевскаго тоже отозвались невѣдѣніемъ, ссылались на то, что они «люди келлейные», «отъ города удалѣли», а Ипатьевскій строитель добавилъ даже, что онъ и въ городѣ на

¹⁾ Когда воеводу просили взять тѣхъ людей, которые били единомышленниковъ прот. Даниила, то воевода, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, сказалъ: «*много де воеводъ, а больши того имъ не сказалъ*»... Вѣроятно, этой фразой представитель свѣтской власти хотѣлъ указать на то, что прот. Даниилъ присвоилъ себѣ воеводскія права, самостоятельно распоряжаясь «смиреніемъ безчинниковъ».

посадѣ года съ 2 не бывалъ; нѣкоторые были въ отъѣздѣ. Какъ они слышали отъ самого протопопа, послѣдній пострадалъ за то, что унималъ крестьянъ отъ пьянства, а вмѣстѣ съ нимъ были биты и тѣ люди, которые ходили съ нимъ «для поученія на добрыя дѣла».

Изъ духовенства Костромскаго собора и приходскихъ церквей большая часть уклонилась отъ сообщенія подробностей по дѣлу, но въ то же время и въ своихъ интересахъ, и въ интересахъ прихожанъ сдѣлала возраженія на нѣкоторые пункты челобитной Даниила. «А на Костромѣ,—говорять священники,—скомороховъ нѣту и у собора пѣсней не пѣвали; ходили по городу пьяныхъ 5—6 человекъ и пѣли пѣсни бѣсовскія, а большого скопу не видали... И игумену Герасиму и протопопу Даниилу на дѣтей своихъ духовныхъ мы не извѣщали, потому что онъ тѣхъ дѣтей духовныхъ такова дурна и безчинства (какъ приходъ къ церкви съ ножами и проч.) къ намъ не бывало»... Показанія духовенства относительно воеводы нѣсколько смѣлѣе: воевода, дѣйствительно, по ихъ словамъ, безъ протопопа вѣдома выпускалъ посаженныхъ въ смиренье; но бралъ ли онъ при этомъ взятки,—неизвѣстно.

Эти сдержанные отвѣты ясно показываютъ, что въ своемъ стремленіи поучать прихожанъ на добрыя дѣла Данииль не встрѣчалъ поддержки во всей массѣ Костромскаго духовенства и въ ближайшихъ къ нему людяхъ—соборянахъ. Нашлась только небольшая группа лицъ изъ 4 священниковъ и 1 дьякона, которые имѣли мужество заявить: «Богоявленскаго монастыря отъ игумена Герасима мы слышали, что боярина Глѣба Ивановича Морозова крестьяне слугу монастырскаго Тимоѳея Ѳедорова били и его игумена бить хвалились, и онъ того убоялся, на патріарховъ дворъ для духовныхъ дѣлъ дни съ три ходить не смѣлъ, и въ недѣлю седьмую по Пасцѣ на соборъ не ѣздилъ... Крестьянинъ Куземка Васильевъ съ ярыжными у воеводскаго двора при воеводѣ Юрьѣ Аксаковѣ протопопа Даниила ослопьемъ подъ бока суляли, и воевода и посадскіе, кои на тотъ шумъ сбѣжались, его, протопопа, Куземкѣ подали и за него не стали... А то намъ вѣдомо, что въ городѣ и на посадѣ государеву указу пьяницы чинятца противны, въ день и по ночамъ

ходятъ, пѣсни поютъ и сквернословятъ и всячески скаречно бранятца и безчинствуютъ, а кто они именно, того мы не вѣдаемъ»... Ин ересно отмѣтить, что подписи этой группы духовенства, сравнительно съ другими священниками, подвергавшимися допросу, отмѣчаются большей свободою и бойкостью: видно, что это были люди болѣе книжные, возвышавшіеся надъ рядовою грамотностью.

Отдѣльно должно быть упомянуто показаніе Костромского соборнаго попа Павла. Отъ него какъ отъ ближайшаго сотрудника протопопа Даниила, можно было ожидать наиболѣе обстоятельныхъ свѣдѣній по дѣлу. Но лишнихъ подробностей относительно нападенія на Даниила попъ Павелъ не сообщилъ. Зато онъ нарисовалъ любопытную картинку уличныхъ нравовъ тогдашней Костромы. «На Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ,—показалъ попъ Павелъ,—шелъ я послѣ вечерни къ себѣ во дворишко. И какъ буду у Никольскаго мосту, что отъ Волги, и отъ нижняго кабака идетъ пьяница безъ портокъ въ кафтанишкѣ, а передъ нимъ несутъ плошку вина. И онъ пьяница, взошедъ на Никольской мостъ и близъ меня пришедъ, подолъ свой поднялъ и срамной... наружу выставилъ. А для ли меня на задоръ онъ такое скаречное дѣло сдѣлалъ или по своему пьянственному нраву, того не вѣдаю, и кто именно не вѣдаю»... Вотъ съ какимъ безшабашнымъ пьянствомъ приходилось вести борьбу протопопу Даниилу!..

Таковы данныя сыска. Такъ какъ конца дѣла не сохранилось, то мы не находимъ въ немъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ же закончилось это слѣдствіе ¹⁾). Равнымъ образомъ, молчатъ о протоп. Даниилѣ

¹⁾ Московск. архивъ Мин. Юстиціи. Документы Разряднаго Приказа. Стобъ. Приказн. стола № 181. 7160 (1652) г. Сыскное дѣло (безъ начала и конца) о безпорядкахъ, произведенныхъ въ Костромѣ и уѣздѣ боярина Глѣба Ив. Морозова с. Селищъ попомъ Иваномъ и крестьянами того же села и с. Минскаго съ деревнями 270 л.л. (л.л. 269 и 270 въ отрывкахъ). Въ архивѣ бывшей посадской избы с. Большихъ Солей сохранились документы, относящіеся къ изложенному нами дѣлу, именно—обыскныя рѣчи Большесольскихъ обывателей на запросъ воеводы Еропкина, что имъ извѣстно о безпорядкахъ въ Костромѣ. Въ первый разъ эти документы использованы были священникомъ Евгеніемъ Лаговскимъ въ «Описаніи посада Большихъ Солей». Трудъ этотъ долгое время оста-

и мѣстные Костромскіе документы. Но его дальнѣйшая судьба становится болѣе интересной, и мы видимъ его далѣе уже въ Москвѣ, въ томъ самомъ кружкѣ ревнителѣй благочестія, о которомъ мы упоминали выше. Протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи рассказываетъ о себѣ, что послѣ столкновенія съ воеводой и жителями г. Юрьевца, онъ долженъ былъ удалиться изъ прихода и двинулся въ Москву. «На Кострому прибѣжалъ,—гово-

вался въ рукописномъ видѣ и въ 1847 году былъ на разсмотрѣніи у извѣстнаго изслѣдователя Костромской старины прот. М. Я. Діева. «Описаніе» Е. Лаговскаго было напечатано только въ 1861 г. (Кострома. Стр. 76—II—XXXVII), а рецензія на него прот. Діева—въ Костромской Старинѣ, вып. V (1901 г.), стр. 167—193. На стр. 178—179 о. Діевъ приводитъ буквально рассказъ Лаговскаго, по большесольскимъ документамъ, о безчинствахъ въ Костромѣ; но при этомъ событіе неправильно отнесено къ 1660 году (вѣроятно, вслѣдствіе невѣрно прочитаннаго въ бумагахъ 7160 (1652 года). Впослѣдствіи Большесольскій архивъ поступилъ въ распоряженіе Костромской Архивной Комиссіи (см. *Н. Н. Семифонтова*. Описи документамъ архива бывшихъ Большесольскихъ посадской избы и ратуши XVI—XVIII ст. С.-Петербургъ. 1902). При начавшемся разборѣ документовъ, г. Л. Грандилевскимъ вновь найдены были «обыскныя рѣчи», извѣстныя еще Лаговскому, и на основаніи ихъ напечатана статья: «Противоцерковное раскольниковое движеніе въ Костромѣ въ 1652 году» (Костромскія Епарх. Вѣдомости, 1904 г., № 16, стр. 404—408). Располагая только частью матеріала о Костромскихъ безпорядкахъ (въ дѣлѣ А. М. Юстиціи сказки жителей Большой Соли занимаютъ л.л. 115—120), г. Грандилевскій задается вопросомъ: какъ понимать это движеніе: была ли это выходка пьяной толпы, или нѣчто болѣе серьезное—преднамѣренная демонстрація противъ духовенства. Авторъ склоняется къ послѣднему рѣшенію: «не простое буйство пьяной толпы, а организованное движеніе противъ духовенства г. Костромы на почвѣ недовольства имъ, какъ выразителемъ церковнаго благочестія» (цитов. ст., стр. 407). Отыскивая источники и корни этого недовольства, авторъ видитъ ихъ въ лжеученіи инока Капитона, который началъ свою проповѣдь о презрѣніи къ духовнымъ лицамъ въ Костромскомъ краѣ еще въ царствованіе Михаила Θεодоровича (ссылки на Ист. рус. раскола еписк. *Макарія* СПБ., 1858, стр. 266 и Посланія митроп. Игнатія Тобольскаго, 1857 г., стр. 96—99). Въ заключительномъ выводѣ г. Грандилевскій признаетъ безпорядки въ Костромѣ «противоцерковнымъ движеніемъ»

рилъ Аввакумъ,—ано и тутъ протопопа же Данила изгнали»¹⁾. Нельзя не отмѣтить поразительнаго совпаденія въ приемахъ дѣятельности членовъ кружка Стефана Вонифатьева: всѣ они вели упорную борьбу съ народными увеселеніями и скоморохами. Аввакумъ передаетъ о себѣ, что онъ особенно ратовалъ противъ скомо-

съ характеромъ начинающагося раскола; Селищенскій попъ Иванъ былъ, повидимому, вожакомъ движенія»... (стр. 408). Но этотъ взглядъ не находитъ себѣ поддержки въ тѣхъ подробностяхъ событія, какія вскрылись при слѣдствіи. Беспорядки были чужды какихъ либо общихъ мотивовъ противоцерковнаго характера; они исходили изъ бытовыхъ условій приволжскаго города, который во время судоходства жилъ шумной, разгульной жизнью, наполнялся торговымъ и рабочимъ людомъ. А село Лысково, одинъ изъ жителей котораго особенно неуважительно отнесся къ прот. Даниилу, въ XVII в. отличилось обиліемъ кабаковъ и харчевенъ по берегу Волги, и какъ ни разоряло ихъ правительство, они постоянно появлялись вновь; а у кабака «скоморохи съ медвѣди пляски и всякія бѣсовскія игры чинили»... (*А. А. Титовъ*. Троицкій Желтоводскій монастырь у Стараго Макарья. Москва 1887. Стр. 38—39). Привыкнувъ къ такому разгулу и веселью, этотъ береговой и пригородный Костромской людъ естественно съ крайнею враждебностью встрѣчалъ всякаго, кто поучалъ «на добрыя дѣла» не только словомъ, но и мѣрами наказанія. Селищенскій попъ Иванъ не былъ какимъ-либо идейнымъ вождемъ всего движенія, а просто шелъ во главѣ своихъ прихожанъ, двинувшихся выручать изъ заключенія товарищей. И, конечно, фигура священника въ этой толпѣ останавливала на себѣ особое вниманіе. Къ тому же, у попа Ивана были и личные мотивы для неудовольствія на прот. Даниила. Игуменъ Спасскаго Запрудскаго монастыря Антоній на допросѣ показалъ: «слышалъ я на торгу отъ людей, что с. Селищъ боярина Глѣба Ивановича Морозова попъ Иванъ Емельку, прозвище Ляда, зашибъ де клюкою за то, что назвалъ ево попа Ивана онъ, Емелька, бражникомъ, и онъ его, Емельку, ва то ударилъ». А такъ какъ этотъ Емелька принадлежалъ къ числу людей, которые «стояли за благочестіе», то отсюда можно заключить, что попъ Иванъ, вѣроятно, и самъ не разъ подвергался отъ протопопа обличеніямъ за «пьянственное житіе».

¹⁾ Матеріалы для исторіи раскола, изд. *Н. Субботинымъ*, т. V, стр. 16. — *А. Бороздинъ*. Протопопъ Аввакумъ. СПб. 1900. (Изд. 2). Стр. 12. Относительно Даниила изъ Костромы г. Бороздинъ высказываетъ общую догадку: «по всей вѣроятности, и невзгоды Даниила объясняются его принадлежностью къ кружку Вонифатьева» (стр. 22).

роковъ, а другой его сподвижникъ, Иванъ Нероновъ кодилъ даже въ полночь сражаться съ ними ¹⁾. Такое строгое отношеніе къ виновнымъ, на народный взглядъ, развлеченіямъ, разумѣтся, особенно озлобляло прихожанъ, и ревнители, поневолѣ покинувъ свои паствы, въ послѣдніе минуты патріаршества Іосифа собрались въ Москвѣ около своего руководителя Стефана Вонифатьева ²⁾. Но вотъ патріаршескую кафедру занялъ (съ 25 іюля 1652 г.) Никонъ. Когда онъ издалъ свою извѣстную память о поклонахъ и сложеніи перстовъ, весь кружокъ ревнителей пришелъ въ движеніе. «Мы съ Данииломъ,—говоритъ Аввакумъ,—написавъ изъ книгъ выписки о сложеніи персть и поклонахъ, и подали государю» ³⁾. Равнымъ образомъ, Даниилъ участвовалъ и въ составленіи другой челобитной за Неронова ⁴⁾. Но новый энергичный патріархъ принялъ рядъ строгихъ мѣръ противъ членовъ кружка. «Послѣ того,—разсказываетъ Аввакумъ,—вскорѣ схватилъ Никонъ Даниила, въ монастырѣ за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку ругая отвелъ въ Чудовъ монастырь въ хлѣбню ⁵⁾, и муча много, сослалъ въ Астрахань. Вѣнецъ терновъ на главу ему тамъ возложили, въ земляной тюрмѣ и уморили» ⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ называетъ Даниила священно-мученикомъ, пострадавшимъ

¹⁾ Матеріалы для ист. раскола т. V. («Житіе» Аввакума) и т. I. (Біографія І. Неронова).

²⁾ Дьяконъ Феодоръ называетъ Даниила Костромского въ числѣ друзей царева духовника благаго Стефана (Матер. для ист. раскола, V. 197.

³⁾ Матеріалы. V, 18—19.

⁴⁾ *Бородинъ*. Прот. Аввакумъ, стр. 57—58.

⁵⁾ По сообщенію Аввакума, Даниилъ былъ лишенъ сана ранѣ Муромскаго протоп. Логгина, а этотъ послѣдній былъ расстриженъ 1 сентября 1653 г. Рязанскія достопамятности, собран. арх. *Іеронимомъ*. Рязань 1889. Стр. 71.

⁶⁾ Матеріалы. V, 18—19; ср. *Бородинъ*, приложен., стр. 81. — Въ статьѣ С. Н. Романовскаго, по исторіи раскола въ Костромской епархіи, между прочимъ, говорится: «Что могла значить для массы народа костромичей кара, постигшая ихъ почтеннаго соборнаго протопопа въ Москвѣ? Вѣдь онъ, казалось имъ, стоялъ за законы отеческіе. Да и могло ли быть дѣйствительнымъ такое наказаніе? Лишенный сана прот. Даниилъ былъ

за правовѣріе отъ Никона ¹⁾, а въ «Виноградѣ Россійскомъ» Даниилъ именуется «предивнымъ», на ряду съ Павломъ, еписк. Ко-

посланъ въ Чудовъ монастырь печь хлѣбы. Это униженіе протопопа вызвало его въ глазахъ лицъ, ему сочувствовавшихъ. Мы знаемъ, что около Костромы находились вотчины Чудова монастыря (наприм., Саметь Костромск. у.) и, слѣдов., у монастырской братіи были постоянныя сношенія съ Костромой. Вліятельный бывший протопопъ могъ не только своими посланіями, но и лично въ трапезной поучать при случаѣ своихъ земляковъ и даже тайно посѣщать своихъ единомышленниковъ въ Костромѣ. Быть можетъ, подобныя обстоятельства и побудили духовное начальство послать Даниила подъ крѣпкимъ карауломъ въ далекую Астрахань... Достоинно примѣчанія, что расколъ и доселѣ сильнѣе тамъ, гдѣ пользовались почетомъ первые расколовожди. Наприм., окрестности Костромы обильны расколомъ, за исключеніемъ села Селищъ, жители котораго выразили Костромскому протоп. Даниилу свои антипатіи еще въ 1652 году» (Костромск. Епарх. Вѣдом., 1905 г., № 6, стр. 172—173). Что Даниилъ, послѣ наказанія, не смирился, а, напротивъ, сталъ еще рѣшительнѣе высказывать свои взгляды,—въ этомъ убѣждаетъ примѣръ остальныхъ членовъ кружка Вонифатьева. Но о сношеніяхъ Даниила съ Костромой личныхъ или письменныхъ никакихъ указаній не сохранилось, такъ что въ этой области возможны только догадки. Можно, напримѣръ, отмѣтить еще тотъ фактъ, что близкая къ кружку первыхъ расколоучителей боярыня Феодосія Морозова была женою Глѣба Ивановича Морозова, владѣвшаго вотчинами въ окрестностяхъ Костромы. Несомнѣнно, она хорошо знала и уважала прот. Даниила, такъ что то же могла служить посредницей въ сношеніяхъ его съ Костромой. Но при всѣхъ подобнаго рода предположеніяхъ не нужно забывать, что кружокъ лицъ, сочувствовавшихъ въ Костромѣ Даниилу, какъ мы видѣли изъ данныхъ слѣдствія, былъ очень не великъ, остальная же масса костромичей не могла быстро измѣниться въ своихъ чувствахъ къ суровому протопопу. Все это заставляеть воздержаться отъ переоцѣнки того значенія, какое могъ имѣть Даниилъ въ исторіи ранняго появленія и распространенія раскола въ Костромскомъ краѣ. Гораздо болѣе правильно указаніе, что почва для этого была подготовлена проповѣдью старца Капитона. 31 октября 1651 г. Костромскому воеводѣ Юрію Аксакову велѣно было царской грамотой «въ Костромскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шачѣ взять въ келліяхъ старца Капитона старцевъ и мірскихъ людей робятъ, которые въ тѣхъ келліяхъ живутъ, а быть имъ до нашего указу въ Ипацкомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ подъ началомъ... и въ черной работѣ; а съ мо-

ломенскимъ и Аввакумомъ ²⁾). Вотъ эти отзывы показываютъ, что Костромской протоп. Даниилъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ кружкѣ первыхъ расколоучителей хотя подробности о его Московской жизни до насъ не дошли ³⁾, равно какъ и нѣтъ возможности опредѣлить степень его участія въ составленіи упомянутыхъ выше челобитныхъ. Въ 1656 году Богоявленскій игуменъ Герасимъ участвовалъ въ судѣ надъ Иваномъ Пероновымъ ⁴⁾, при чемъ здѣсь несомнѣнно вспоминалось и имя Костромского протопопа Даниила, который вмѣстѣ съ Герасимомъ начиналъ въ Костромѣ борьбу съ безчинствами и такъ печально закончилъ свою пастырскую дѣятельность.

С. Введенскій.

настыря ихъ никуда спускать отнюдь не велѣли, и того велѣли беречь накрѣпко, чтобы не ушли». (*И. Миловидовъ*. Содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевского монастыря. Вып. I. Кострома. 1887. Стр. 58) Въ ученіи Капитона, какъ оно обрисовано въ посланіяхъ Игнатія Тобольскаго, были всѣ элементы противоцерковнаго протеста.

¹⁾ Матеріалы для ист. раскола, V, 216.

²⁾ Виноградъ Россійскій, или описаніе Пострадавшихъ въ Россіи за древлецерковное благочестіе, написанный Симеономъ Діонисіевичемъ (кн. Мышецкимъ). Москва. 1906. Гл. 2. л. 16.

³⁾ Въ «Житіи» Корниліи Выгопустинскаго сообщается, что на Соборѣ по вопросу о перекрещиваніи переходящихъ изъ православія въ расколъ былъ и прот. Даниилъ (Бороздинъ, стр. 120).

⁴⁾ Матеріалы для исторіи раскола, т. I, стр. 182 и 186.—Имя игумена Герасима упоминается еще въ одномъ сыскномъ дѣлѣ о раскольникахъ 31 января 174 (1666) г. въ Костромѣ къ городскимъ воротамъ прибито было «воровское письмо». Оно извѣщало о появленіи въ Богоявленскомъ монастырѣ «присланнаго отъ антихриста ученика, который Бога славить лицомъ и узкимъ путемъ, а врагу работаетъ и въ тайнѣ ему празднуетъ по его вражбимъ книгамъ у себѣ подъ клѣткою въ ямѣ»... Повидимому, это былъ извѣтъ на игумена Герасима, можетъ быть, въ тайной принадлежности къ расколу и къ старымъ книгамъ. Сочинитель извѣта не обнаруженъ. (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. Мин. Юстиціи. Кн. XV. М. 1908. Стр. 512).—Есть подпись игум. Герасима по дѣяніямъ Московскаго Собора 14 августа 1660 г., объ избраніи новаго патріарха, вмѣсто Никона (Дѣло о патр. Никонѣ. СПб. 1897. Стр. 110).